

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

Тамъ жизнь шла прежнимъ чередомъ. Кругомъ также свирѣпствовала жестокая холера, но ни гувернеръ мальчиковъ Карлъ Андреевичъ Козловскій (изъ онѣмеченныхъ познанскихъ поляковъ), ни я нисколько не перемѣняли обычнаго образа жизни, раза по два въ день купались и ѣли ягоды со сливками и безъ сливокъ, отъ чего всѣ прочіе воздерживались. Карлъ Андреевичъ былъ изумительно добрый, человеколюбивый, энергичный и самоотверженный человекъ. По цѣлымъ днямъ онъ возился съ своими несносными мальчуганами—двумя младшими сыновьями Натальи Алексѣевны Мельгуновой, а ночи проводилъ въ деревнѣ, возясь съ холерными больными, пользуя ихъ Иноземцевскими каплями, растирая ихъ и т. д. Наталья Алексѣевна допускала это, потому что это были ея крѣпостные, а въ окрестностяхъ не было ни одного медика, и никакой врачебной помощи не было въ этой части уѣзда въ такое ужасное холерное время, притомъ же уходя изъ дому и возвращаясь домой, онъ долженъ былъ переодѣваться. И до смерти Наденьки, и послѣ ея кончины онъ нерѣдко бралъ и меня съ собою, такъ какъ плохо говорилъ по-русски, и его съ трудомъ и не всѣ понимали какъ должно: я уходилъ къ холернымъ тайкомъ отъ Натальи Алексѣевны; не знала, конечно, ничего объ этомъ и шамап. Замѣчательно, что, несмотря на плохой русскій говоръ, на иноземное свое происхожденіе и на иную вѣру (онъ былъ римско-католикъ и притомъ очень усердный, обыкновенно подолгу молившійся на колѣняхъ, предъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1915 г.

тѣмъ, какъ ложиться спать), онъ успѣлъ внушить полнѣйшее къ себѣ довѣріе народу, и слава его, какъ врачующаго холеру, широко распространилась въ окрестности, и за нимъ присылали телѣги изо всѣхъ селеній и даже привозили больныхъ въ Таболово къ церкви: это уже было не по душѣ Наталіи Алексѣевнѣ, и она всячески старалась этому воспрепятствовать. Самого Карла Андреевича наиболѣе поражало необыкновенное равнодушіе нашихъ крестьянъ къ смерти своей и своихъ ближнихъ. Онъ видѣлъ въ этомъ какую-то апатію и безчувствіе животнаго и часто говорилъ мнѣ: *Das ist ein Viehvolk* (конечно, переводъ польскаго „быдло“). Насилу мнѣ удалось убѣдить его, что въ этомъ равнодушіи къ смерти болѣе всего проявляется покорность волѣ Божіей, твердая вѣра въ блаженную жизнь будущаго вѣка и сознаніе тяготы земной жизни.

Еще изъ Таболова я увѣдомилъ М. Н. Каткова о смерти Наденьки и спрашивалъ его о всѣхъ близкихъ ему лицахъ, о профессорахъ и нашихъ общихъ знакомыхъ, пощадила ли ихъ холера. Онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ изъ Москвы отъ 15-го іюля 1848 г.:

„Душевно благодарю васъ, любезный другъ, за вашу дружбу, за вашу память и за письмо, которое дало мнѣ тому новое доказательство. Вполнѣ сочувствую вашимъ семейнымъ потерямъ, которыя такъ скоро послѣдовали одна за другою. Но держитесь крѣпче, не падайте духомъ; не забывайте вашихъ несчастій легкомысленно, чего впрочемъ я отъ васъ не ожидаю, но и не предавайтесь имъ: смотрите на нихъ, какъ на испытаніе и противопоставляйте имъ все, что въ васъ есть твердаго, мужественнаго. Меня радуешь, что вы не ослабѣваете въ вашихъ занятіяхъ, что вы здоровы и окружены людьми, родственно къ вамъ расположенными; жалѣю только, что не могу такъ скоро, какъ бы хотѣлъ, видѣться съ вами, говорить съ вами лично. Я понимаю, какъ послѣ вашей послѣдней неожиданной потери мрачно должна вамъ представляться Москва. Но всѣ, о которыхъ вы съ такимъ участіемъ беспокоитесь, живы и здоровы. Эпидемія съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, и вообще даже во время ея сильнаго разгара у насъ, по крайней мѣрѣ, въ нравственномъ отношеніи, все было спокойно и ясно.

„Что касается до моего здоровья — и я вновь благодарю васъ за дружеское участіе — то я по крайней мѣрѣ въ эту минуту не имѣю причинъ жаловаться. Я собирался было скоро уѣхать на югъ; но бумаги объ моемъ увольненіи на будущій

годъ отъ лекцій еще все не приходятъ изъ Петербурга. Вы вѣроятно уже знаете, что я подалъ просьбу объ этомъ увольненіи. И такъ въ университетскихъ аудиторіяхъ намъ, кажется, въ этомъ году съ вами не встрѣчаться; но все-таки зиму, вѣроятно, я проведу въ Москвѣ.

„Я твердо увѣренъ, что вы не преминете доставить мнѣ сердечное удовольствіе видѣть васъ, какъ только пріѣдете въ Москву. Жму отъ души вашу руку. Искренно любящій васъ М. Катковъ“.

Письмо это было и останется для меня навсегда драгоценнымъ, какъ доказательство сердечнаго участія къ моему горю и дружественнаго расположенія ко мнѣ лица, которое я неизмѣримо высоко ставилъ какъ ученаго, какъ профессора и какъ человека и котораго и Наденька рѣшительно предпочитала всѣмъ посѣтителемъ Елизаветы Алексѣевны Карльгофъ, очень любила читать его лекціи и подробно всегда меня о немъ спрашивала.

Въ Таболовѣ на этотъ разъ я не долго зажился: дѣла призывали меня домой. Нашелся серьезный покупатель на нашъ домъ д-ръ медицины В. И. Бушъ. Вскорѣ пришла и новая довѣренность отъ братьевъ на имя папана (прежняя ихъ довѣренность была на имя Наденьки), и я, прибывъ въ Москву, принялся за хлопоты по этому дѣлу, получилъ отъ Буша 1 т. р. задатку, явился въ гражданскую палату по дѣлу о купчей и когда чиновникъ запросилъ съ меня за это безспорное дѣло 100 р. сер. съ тѣмъ, что онъ соберетъ всѣ нужныя справки, я отвергъ его предложеніе, самъ съ большой энергіей и съ небольшими расходами собралъ ихъ въ управѣ благочинія, въ казенной палатѣ и строительной комиссіи, самъ написалъ проектъ купчей и со всѣми справками и съ довѣренностью отъ братьевъ явился во 2-ой департаментъ гражданской палаты. Продержавъ меня съ часъ времени, надсмотрщикъ заявилъ, что всѣ бумаги въ порядкѣ за исключеніемъ довѣренности отъ моихъ братьевъ: она явлена и удостовѣрена въ ратушѣ г. Шавлей (Ковенской губ.), а Шавля уѣздный городъ, и тамъ есть уѣздный судъ, въ уѣздномъ судѣ и слѣдовало явить довѣренность.—„Но вѣдь изъ довѣренности ясно намѣреніе моихъ братьевъ продать домъ и что они уполномочиваютъ на это свою мать.“—„Да, но ратуша существуетъ для купческихъ и мѣщанскихъ дѣлъ и явленную въ ней довѣренность не тамошнихъ купцовъ или мѣщанъ мы не можемъ считать дѣйствительною и не можемъ совершить по ней купчую крѣпость“.

Необходимо было войти съ этимъ формалистомъ въ денежную сдѣлку, спросивъ его условія, но я по неопытности этого не сдѣлалъ и тотчасъ написалъ братьямъ, чтобы они выслали новую довѣренность, явивъ ее въ судѣ Шавлей. Дѣло было очень спѣшное и тревожное: жизнь папап висѣла на волоскѣ и въ случаѣ ея смерти продажа дома снова замедлялась процедурой ввода наслѣдниковъ во владѣніе, а Бушъ заявлялъ, что онъ не можетъ ждать долѣе половины сентября; 20-го августа братья совершили новую довѣренность на имя папап въ уѣздномъ судѣ Шавлей, но на бѣду старшій братъ, занимавшійся нашими дѣлами до поступленія въ полкъ, вздумалъ на память обозначить количество земли подъ домомъ и при этомъ тремя квадратными саженьми показалъ его меньше дѣйствительнаго. Надсмотрщикъ вывелъ изъ этого заключеніе, что братья хотятъ не всю землю продать, а оставить изъ нея въ свою пользу 3 кв. саж. безъ обозначенія, гдѣ именно, и что по такой довѣренности купчей совершить нельзя. Я былъ просто въ отчаяніи и рѣшился обратиться за помощью къ графу Закревскому, такъ какъ генераль-губернаторъ въ то время имѣлъ общій надзоръ и замѣстными судебными учрежденіями, ограждая обывателей отъ какихъ-либо съ ихъ стороны притѣсненій и волокиты. Графъ Закревскій принялъ участіе въ нашемъ трудномъ положеніи и далъ благопріятное для насъ предложеніе палатѣ совершить купчую, буде нѣтъ какихъ-либо къ тому существенныхъ законныхъ препятствій, на что ему отвѣчено было, что купчую совершить возможно на основаніи одной изъ представленныхъ довѣренностей, но что это послужитъ поводомъ къ безконечнымъ домогательствамъ съ разныхъ сторонъ къ обходу существующихъ узаконеній по примѣру того, какой нынѣ предлагается палатѣ. Очевидно, что я и тутъ потерпѣлъ полную неудачу, и Бушъ находилъ, что обращеніемъ къ генераль-губернатору я только испортилъ дѣло, что теперь едва-ли г.г. чиновники пойдутъ со мною на какую-нибудь сдѣлку и что необходимо уладить дѣло съ помощью запродажной записи, совершенной домашнимъ порядкомъ, при чемъ мы теперь же въ началѣ сентября выѣдемъ изъ дома, предоставивъ ему сдѣлать всѣ необходимыя ремонтныя работы (стоимостью не выше 1 т. р. сер.) и поселить въ домѣ семейство и что онъ теперь же вручитъ намъ всю сумму, за которую мы уступили ему домъ, а мы примемъ на себя обязательство за поручительствомъ состоятельныхъ лицъ или выдать ему въ продолженіе года надлежащую купчую крѣпость или возвратитъ ему всю полученную отъ него

денежную сумму, вмѣстѣ съ произведенными имъ на ремонтъ дома расходами, домъ же примемъ снова въ полную свою собственность. Такая запродажная запись между нами состоялась за поручительствомъ вдовы камергера Наталіи Алексѣевны Мельгуновой, вдовы маіора княгини Екатерины Гавриловы Бибасовой и ст. сов. Константина Александровича Левашова, и 9-го сентября 1848 г. мы переѣхали изъ дома на наемную квартиру. Полученіе новой довѣренности отъ братьевъ не только замедлилось по причинѣ передвиженій ихъ полка и неполученія моихъ писемъ, но и вовсе не состоялось, а между тѣмъ здоровье татап становило все хуже и хуже, и тогда Бушъ поручилъ все дѣло своему повѣренному въ дѣлахъ и, принявъ всѣ расходы на себя, совершилъ купчую крѣпость на основаніи первой довѣренности моихъ братьевъ, явленной въ ратушѣ г. Шавлей: очевидно, что и я бы успѣлъ въ этомъ [такъ же хорошо, если бы съ самаго начала вошелъ въ сдѣлку съ грознымъ надсмотрщикомъ.

Первая наемная наша квартира найдена была мною близъ Сухаревой башни, на Большой Мѣщанской, въ приходѣ Адриана и Наталіи. Тяжело было татап въ ея возрастѣ и въ ея положеніи покидать приволье собственнаго дома и переселяться. хотя и въ очень нарядную, но сравнительно все-таки въ очень тѣсную квартиру. Впрочемъ татап уже не могла сама ходить, а ее перевозили въ креслѣ, не могла также лежать, а сидѣла на диванѣ, обложенная подушками, и въ креслѣ, куда ее пересаживали на короткое время. Тѣмъ не менѣе она непремѣнно желала справлять новоселье и вмѣстѣ именины свои и своихъ дочерей 17-го сентября. Собрались наиболѣе близкіе изъ знакомыхъ, между прочимъ, Елизавета Степановна Левашова, Екатерина Петровна Лачинова, сестра ея княгиня Аделаида Петровна Оболенская и др. Матап была очень весело настроена и принимала довольно живое участіе въ разговорѣ, но это вскорѣ ее утомило, и къ концу обѣда ей сдѣлалось дурно: пришлось увезти ее въ ея креслѣ въ мой кабинетъ, и обѣдъ закончился очень грустно. Очевидно, это былъ прощальный ея обѣдъ добрымъ ея знакомымъ.

Затѣмъ жизнь наша потекла очень тихо. Днемъ я снова бывалъ на лекціяхъ въ университетѣ, заходилъ читать и газеты, и журналы, а затѣмъ все время проводилъ дома, сидя съ татап и услуживая ей. По совѣту И. Т. Глѣбова, гостиная рядомъ съ моимъ кабинетомъ была обращена въ комнату татап, какъ самая большая и свѣтлая комната, соединявшаяся же

притомъ большими арками со столовою и обладавшая поэтому массою воздуха, а у маман водяной уже больше не было, но она страдала истощеніемъ силъ, удушьемъ и отъ времени до времени судорогами. Оставлятъ ее одну при томъ, что она все время сидѣла на диванѣ, нельзя было ни на одну минуту: обѣ дочери ея, какъ плохо слышавшія, днемъ еще могли быть до нѣкоторой степени полезны, но какъ только смеркалось и подавали лампы и свѣчи съ абажурами, Вѣра и Люба становились совсѣмъ бесполезными и уходили къ себѣ на верхъ, а уходъ за маман падалъ исключительно на меня (до часу ночи), потомъ на старую няню (до 4 часовъ ночи) и наконецъ, на Наташу (до 8 или 9 часовъ утра). При всей слабости маман сохранила ясность мысли, интересовалась всѣмъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, и всѣми нами, просила меня читать ей ежедневно вечернія и утреннія молитвы, которымъ нѣкогда она же сама вмѣстѣ съ отцомъ меня научила, нѣсколько разъ исповѣдывалась и приобщалась св. таинъ. Говоръ ея былъ, хотя и тихъ, но довольно ясенъ, но часто случалось ей забывать тѣ или другія слова, которыя надо было отгадывать, что не всегда было легко, особенно когда это были имена собственные. Часто она приходила въ забытѣ, но сонъ ея при ея сидячемъ положеніи не былъ крѣпокъ и надеженъ, а лечь она не могла: совсѣмъ задыхалась. Вечеромъ и ночью читать сидя около нея совсѣмъ нельзя было: надобно было сидѣть близко къ ней, чтобы въ случаѣ судорожнаго припадка поспѣть къ ней на помощь и не дать ей упасть съ дивана, а она не переносила свѣта лампъ и свѣчей безъ абажуровъ. Бывало, сидишь цѣлые долги вечера и тихо рассказываешь ей всѣ впечатлѣнія дня, все, что видѣлъ, слышалъ и читалъ, и видишь, какъ она начинаетъ мало-по-малу засыпать, и смолкаешь; но не успѣешь замолчать, какъ начинаетъ ее подергивать все сильнѣе и сильнѣе, при чемъ приходилось растирать ее или давать лѣкарство. Я замѣчалъ, что къ полуночи, когда въ сосѣдней квартирѣ, за стѣной очевидно не капитальной, начиналъ плакать грудной ребенокъ, начинались и наиболѣе сильные припадки маман, которые иногда и предшествовали плачу ребенка, такъ что плачь этотъ не былъ причиною припадковъ,—да маман, повидимому, и не слышала его. Въ извѣстный часъ ночи, повидимому, всѣ слабыя существа—младенцы, больные—особенно тревожатся и страдаютъ. Не долго до своей кончины маман заговорила о томъ, что она очень любитъ и высоко цѣнитъ Глѣбова, но что онъ вовсе ей не помогаетъ и что не лучше ли было бы обратиться къ Смоличу,

который незадолго предъ тѣмъ очень легко и скоро вылѣчилъ меня отъ легкой дезинтеріи. Желаніе больной было исполнено. Смоличъ, конечно, нашель, что тутъ нечего и думать ни о какомъ новомъ лѣченіи, а только употреблять тѣ же средства, которыя предписаны Глѣбовымъ. Говорила маман также и о своихъ похоронахъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ сказано въ ея завѣщаніи, а о томъ, кого позвать на похороны, сколько дать нянѣ и Наташѣ за уходъ за нею, разнымъ бѣднымъ, которымъ она помогала при жизни, и очень настаивала, чтобы былъ приглашенъ для отпѣванія священникъ, кромѣ протоіерея нашей приходской церкви Адріана и Наталіи, но договориться съ нею, какого священника она разумѣла, мнѣ такъ и не удалось: я пригласилъ отъ Николы Ковыльскаго и потомъ уже *post factum*, когда бывшій нашъ духовникъ, настоятель церкви Іакова Апостола, сильно пенялъ моему брату Василю, что онъ, духовникъ всей семьи, не былъ приглашенъ на отпѣваніе его духовной дочери, я сообразилъ, что, вѣроятно, его и разумѣла маман, говоря о другомъ священникѣ, и чтобы сколько-нибудь загладить свою невольную ошибку, я сдѣлалъ взносъ въ церковь Іакова Апостола на поминаніе маман.

Въ ночь на 26-ое ноября 1848 г. маман скончалась. Это было въ дежурство няни, въ концѣ 4-го часа ночи, и я къ великому моему огорченію не былъ при этомъ, а спалъ по содѣйствию въ своемъ кабинетѣ. Няня рассказывала, что кончина была совершенно тихая, едва замѣтная, что никакихъ судорогъ не было, но дыханіе становилось все прерывистѣе, и, наконецъ, послышался глубокій вздохъ, и тогда она пошла тотчасъ же разбудить меня, говоря: „Чуть ли наша голубушка барыня не скончалась“. Я приложилъ зеркало къ устамъ: оно еще покрылось паромъ, но руки уже охолодѣли, пульса не было, и при вторичномъ поднесеніи зеркала къ устамъ оно нисколько не потускнѣло. Я далъ знать Глѣбову, прося его пораньше пріѣхать, и затѣмъ начались обычные распоряженія, панихиды и т. д.

Смерть маман не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ смерть отца или Наденьки: она была давно ожидаемымъ событіемъ, маман, можно сказать, умирала съ самой кончины отца, съ 6-го августа 1847 г., переживши его на 1 годъ 3 мѣсяца и 20 дней и скончавшись на 57-мъ году отъ роду, тогда какъ отецъ умеръ на 56-мъ году своей жизни. Маман до такой степени высохла, что запаха не было ни малѣйшаго. Тѣло ея было выставлено на катафалкѣ въ той же комнатѣ, гдѣ она скончалась, то-есть, въ гостиной, а я спалъ рядомъ въ своемъ

кабинетѣ, не затворяя даже дверей въ гостиную, и засыпалъ подъ монотонное чтеніе псалтыря.

Похороны происходили 28-го ноября въ воскресенье въ церкви Адриана и Наталіи при хорошемъ хорѣ пѣвчихъ; церковь была полна и прихожанъ, и нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Поминальный, обычный въ то время послѣпохоронный обѣдъ былъ не въ кладбищенской гостиницѣ, а на нашей квартирѣ, и я къ концу его слышалъ себѣ не мало похвалъ, что похороны были справлены прекрасно, а обошлись онѣ, какъ значится въ счетной книгѣ того времени, всего въ 380 р. ас. (= 108 р. 57 к. сер.), не считая мѣста могилы, заранѣе купленнаго, и раздачи наградныхъ денегъ: нянѣ (105 р.) и Наташѣ (35 р.) за уходъ, а равно и пособій неимущимъ.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

